

Конфидентка королевы. На службе Ее Величеству

В своем маленьком сердце хрупкая Сабина хранила тысячи горестей. Когда-то судьба жестоко обошлась с ней, отняв Габриэля, ее возлюбленного. Сабине суждено было дважды стать вдовой. Она решила навсегда закрыть свое сердце для любви и превратить его в тайник сокровенных секретов королевы Бланки. Спустя годы на одной из торжественных церемоний Сабина встречает того, кого давно считала погибшим — Габриэля. Он побывал во многих сражениях, был рабом на галерах и, измученный, но не сломленный, сумел вернуть себе свободу. Теперь влюбленные наконец-то могли бы быть вместе. Если бы не Изабель, которую когда-то спас Габриэль. Она не позволит Сабине отнять у нее любовь.

Софи Нордье

КОНФИДЕНТКА
КОРОЛЕВЫ

На службе Ее Величества

КОНФИДЕНТКА
КОРОЛЕВЫ

Софи Нордые

КОНФИДЕНТКА
КОРОЛЕВЫ

На службе Ее Величества

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8732-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Анастасия Попова

У своему маленькому сердці тендітна Сабіна зберігала тисячі смут. Колись доля жорстоко обійшлася з нею, забравши Габріеля, її коханого. Сабіні судилося двічі стати вдовою. Вона вирішила назавжди зачинити своє серце для кохання і обернути його на сховок для сокровених секретів королеви Бланки. Через роки на одній із урочистих церемоній Сабіна зустрічає того, кого вважала давно загиблим, — Габріеля. Він побував у багатьох битвах, був рабом на галерах і, змучений, та не зломлений, зумів повернути собі свободу. Тепер закохані нарешті могли б возз'єднатися. Якби не Ізабель, яку колись врятував Габріель. Вона не дозволить Сабіні відібрати в неї кохання.

Нордье С.

Н82 Конфидентка королевы. На службе Ее Величеству : роман / Софи Нордье. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 544 с.

ISBN 978-617-12-8614-6

В своем маленьком сердце хрупкая Сабина хранила тысячи горестей. Когда-то судьба жестоко обошлась с ней, отняв Габриэля, ее возлюбленного. Сабине суждено было дважды стать вдовой. Она решила навсегда закрыть свое сердце для любви и превратить его в тайник для сокровенных секретов королевы Бланки. Спустя годы на одной из торжественных церемоний Сабина встречает того, кого давно считала погибшим, — Габриэля. Он побывал во многих сражениях, был рабом на галерах и, измученный, но не сломленный, сумел вернуть себе свободу. Теперь влюбленные наконец-то могли бы воссоединиться. Если бы не Изабель, которую когда-то спас Габриэль. Она не позволит Сабине отнять у нее любовь.

УДК 821.161.1(477)

© Северина О. В., 2021

© DepositPhotos.com / chromoprisme, обложка, 2021

© Trevillion Images / Lee Avison, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

...будучи дочерью короля Кастилии и английской принцессы,
она так благородно управляла королевством,
блюдя славу своего сына и пользу государства,
что память о ней осталась в веках,
а ее славное имя превозносят потомки.

Из резолюции французского парламента от 21 апреля 1643 года

Исторические лица — персонажи

КНИГИ

1. Бланка Кастильская (1188—1252) — с 1200 г. супруга французского короля Людовика VIII Льва. Королева Франции с 1223 г., регентша при малолетнем сыне Людовике IX (1226—1235). Управляла Францией (1248—1252) во время отсутствия короля, участвовавшего в Седьмом крестовом походе.

2. Людовик (Луи) VIII Лев (1187—1226) — король Франции в 1223—1226 гг.

3. Людовик (Луи) IX Святой (1214—1270) — король Франции в 1226—1270 гг. Сын Бланки Кастильской и Людовика VIII. Канонизирован в 1297 г.

4. Остальные дети Бланки Кастильской и Людовика VIII (пятеро умерло в младенчестве):

Филипп (1209—1218)

Робер (1216—1250)

Жан Тристан (21.07.1219—1232)

Альфонс (11.11.1220—21.08.1271)

Филипп Дагобер (20.02.1222—1232)

Изабелла (14.04.1225—23.02.1269)

Карл (Шарль) (21.03.1227—7.01.1285)

5. Раймон VI де Сен-Жиль (1156—1222) — граф Тулузы, герцог Нарбонны, маркиз Готии и Прованса. Его сын Раймон VII (1197—1249) — последний самостоятельный граф Тулузы.

6. Симон IV де Монфор (1165—1218) — сеньор де Монфор-л'Амори, предводитель крестового похода против катаров.

7. Алиса де Монморанси (1170-е — 1221) — с 1190 г. супруга Симона де Монфора.

8. Амори де Монфор (1192—1241) — сын Симона де Монфора. С 1218 г. сеньор де Монфор-л'Амори, с 1226 г. — граф де Монфор.

9. Ги де Монфор (1195—1220) — второй сын Симона де Монфора.

10. Фолькет Марсельский (1150—1231) — с 1205 г. епископ Тулузы.

11. Педро II Католик (1174—1213) — король Арагона. Погиб в битве при Мюре.

12. Бартелеми де Руа (1170-е — 1237) — с 1208 по 1237 гг. великий камерарий*¹ Французского королевства.
13. Пьер I из рода Дрё, по прозвищу Моклерк (ок. 1190— 1250) — с 1213 г. герцог Бретани. Родной брат Робера III де Дрё.
14. Тибо IV Шампанский (1201—1253) — граф Шампани и Бри, с 1234 г. король Наварры. Знаменитый средневековый французский поэт, получивший прозвище «Принц Труверов»*.
15. Герен (1147 — 1227) — рыцарь ордена Святого Иоанна (госпитальеров), епископ Санлиса (1202—1227), канцлер Французского королевства (1202—1227).
16. Матье II де Монморанси (1174—1230) — коннетабль Франции (1218—1230). Родной брат Алисы де Монморанси.
17. Аршамбо VIII де Бурбон Великий (1189—1242) — сеньор де Бурбон, коннетабль Оверни (1223—1230).
18. Робер III де Дрё, по прозвищу Гастебле (1185—1234) — граф де Дрё и де Брен. Род Дрё — боковая ветвь королевской династии Капетингов.
19. Аэнор де Сен-Валери (1192—1250) — с 1210 г. супруга Робера III де Дрё.
20. Гуго X де Лузиньян (1187—1249) — граф де Ла Марш, с 1220 г. — граф д'Ангулем.
21. Изабелла Ангулемская (1188—1246) — графиня д'Ангулем, королева Англии. Первый брак (1200—1216) с английским королем Иоанном Безземельным, второй — с Гуго X де Лузиньяном (с 1220 г.).
22. Матильда де Даммартен (1202—1259) — графиня Даммартена и Булони, с 1218 г. — супруга Филиппа Юрпеля, младшего сына короля Филиппа Августа.
23. Филипп Юрпель (1201—1234) — единокровный брат Людовика Льва и дядя Людовика IX.
24. Ангерран III де Куси Великий (1182—1242) — сеньор Куси. Прославился благодаря строительству гигантского замка Куси. Кузен Робера Гастебле и Пьера Моклерка.
25. Жанна (1200—1244) — графиня Фландрии и Геннегау. Ее супруг Фердинанд после битвы при Бувине провел 12 лет в заточении у французского короля.

26. Иоанн (Жан) де Бриенн (1170—1237) — король Иерусалима (1210—1212). Предводитель Пятого крестового похода.
27. Адам де Шамбли (ум.1259) — епископ Санлиса (1227—1259), канцлер Французского королевства (1227—1239).
28. Романо Франджипани — кардинал де Сент-Анж, легат при французском дворе папы Гонория III и Григория IX.
- ¹ Здесь и далее звездочкой отмечены слова, значение которых дано в глоссарии в конце книги. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

Другие исторические лица, упомянутые в книге:

1. Филипп II Август (1165—1223) — король Франции (1180—1223). Величайший монарх эпохи Средневековья. Отец Людовика Льва.
2. Алиенора Аквитанская (1122—1204) — королева Франции с 1137-го по 1152 г. (брак с Людовиком VII Молодым), королева Англии с 1154 г. (брак с Генрихом II). Бабушка Бланки Кастильской.
3. Генрих II Плантагенет (1133—1189) — король Англии (1154—1189).
4. Иоанн (Джон) Безземельный (1167—1216) — король Англии (1199—1216), младший сын Алиеноры и Генриха.
5. Генрих III (1207—1272) — король Англии (1216—1272). Сын Джона и Изабеллы Ангулемской. Кузен Бланки.
6. Альфонсо VIII (1155—1214) — король Кастилии (1158—1214). Отец Бланки Кастильской.
7. Леонор Английская (1162—1214) — королева Кастилии (1177—1214). Супруга Альфонсо и мать Бланки. Дочь Алиеноры и Генриха II.
8. Иннокентий III (в миру Лотарио де Конти, 1161—1216) — папа римский (1198—1216). Один из образованнейших понтификов Средневековья.
9. Арно Амори (?—1225) — папский легат с 1204 г. в Тулузском графстве, с 1212 г. — архиепископ Нарбонны.
10. Рено де Даммартен (1170 —1227) — граф Даммартена и Булони. Отец Матильды. После битвы при Бувине более 12 лет провел в заточении, где и умер.
11. Кретьен де Труа (ок.1135—ок.1183) — первый и самый известный средневековый романист, основоположник куртуазного стиля во французской литературе, автор пяти дошедших до наших дней романов.
12. Робер де Куртене (1168—1239) — сеньор де Шампиньель, королевский кравчий (одна из высших должностей при французском дворе).
13. Аль-Камиль (1177—1238) — султан из династии Айюбидов, правивший в Каире (1218—1238).

14. Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250) — король Сицилии, король Германии (с 1212 г.), император Священной Римской империи (с 1220 г.), король Иерусалима (с 1229 г.).

Род д'Альбре — французский баронский род, достигший пика могущества в XV—XVI вв. Достоверно генеалогия прослеживается лишь с 1230-х гг. Название рода происходит от замка Лабри, расположенного южнее Бордо.

Королевство Леон. 1226 год

Вот он — храм Святого Иакова — благостный выдох тяжелого паломнического пути! В лучах полуденного солнца собор, вершина которого терялась в дымчатой небесной голубизне, казался добрым сказочным гигантом, ждавшим в гости именно тебя.

Измученные долгим переходом женщины, баронесса Сабина д'Альбре и донья Тереза, одетые в темные запыленные котты*, не скрывали слез восторженного благоговения.

— *Fabulosa templum*², — шептала пересохшими губами Сабина, медленно осеняя себя крестным знамением.

— Хвала Господу, дошли! — не понимая смысла сказанного, отозвалась ее спутница и вытерла на дряблых щеках пот, стекавший из-под светлого вимпла*.

Еще не осознав до конца, что цель их трудного пути достигнута, женщины медленно обошли огромный собор, с детским любопытством осмотрели украшенный многочисленными скульптурами Портик Славы и только затем вошли внутрь храма. Протиснувшись мимо сотни таких же паломников, толпившихся в необъятном нефе, баронесса д'Альбре и донья Тереза припали в иступленной молитве к гробнице Святого Иакова. Забыв о времени и окружающих, коленопреклоненные дамы истово молились. Воздавали хвалу святому, горячо просили его, самоабвенно заклинали и скорбно каялись. Каждая в своем.

Сабина и Тереза познакомились около полумесяца назад в Леоне, где пересеклись их дороги. Молодая баронесса, недавно похоронившая супруга, прибыла из Аквитании, а пожилая донья — из Кастилии. Остаток пути от Леона к третьей святыне мира они проделали пешком, а лошадей и мулов с поклажей вели в поводу слуги. Симпатия, вспыхнувшая между женщинами, помогала им понимать друг друга, к тому же они говорили на родственных языках, и благодаря бесконечным задушевным беседам тяжелые дневные переходы казались короче.

— Будто дочь с матерью встретились после долгой разлуки, — услышала как-то за спиной Сабина слова своей горничной.

И впрямь, от плавных движений пухленькой доньи Терезы, от ее неспешной, убаюкивающей манеры говорить волнами исходило

уютное материнское тепло. Вскоре выяснилось: при кастильском дворе она была кормилицей, а затем няней дочерей Альфонса Восьмого — Бланки и Урраки. Привычка брать под покровительство несмышленную молодежь сказала и на сей раз, и Сабина была этому очень рада. Каждый день приходилось хлопотать о делах насущных (искать пристойный ночлег, заботиться об ужине, кормить и подковывать лошадей, пополнять запасы воды и провизии, чинить платье и обувь), и это вызывало у баронессы досаду и замешательство. К тому же ей не хотелось, чтобы ее обманули или ограбили. Правда, путь святого Иакова уже с полстолетия охраняли воины-монахи из одноименного ордена, но мошенников, желающих поживиться за счет паломников, все еще хватало. Поэтому появление спутниц — домовитой Терезы и ее расторопной служанки — Сабина восприняла как награду за усердие.

Однажды безоблачным днем, преодолев очередной тяжелейший горный переход и спустившись в живописную зеленую долину, измученные путники сделали привал. Они подкрепились подсохшими от жары лепешками и мягким сыром, запили еду холодной ключевой водой (неподалеку бил родник) и решили переждать полуденный зной в тени раскидистого бука.

— Дорогая донья, у меня к вам просьба, — осмелилась наконец Сабина, — расскажите...

— ...о детстве французской королевы Бланки? — угадала Тереза с добродушной улыбкой. — Охотно! Я люблю вспоминать о своей девочке. Слушайте же...

...Кастильский двор, шумный и веселый, находился тогда, тридцать лет назад, в Бургосе. Король Альфонс Восьмой высоко ценил образованных людей, поэтому трубадуры, ученые, музыканты, богословы всех мастей, национальностей и вероисповеданий в любую пору года толпились в величественных залах его дворца. Но подобная пестрота не мешала четко исполнять при дворе христианские законы и обряды — за этим зорко следила королева Леонор.

Альфонс был хорош собой: высокий, отважный, настоящий рыцарь! Но слишком уж горяч и своенравен. Его необдуманные слова, а зачастую и действия в адрес вассалов и иноземцев, не раз сглаживала Леонор. Движением бровей, легкой полуулыбкой его красавица-жена умела очаровывать окружающих, привлекая их на свою сторону, чем

невероятно помогала супругу в правлении. В общем, они были идеальной парой.

Царственная чета воспитывала дочерей, помня о том, что со временем они выйдут замуж за правителей соседних государств, поэтому на образование не скупилась. К двенадцати годам Бланка и ее сестра Уррака, которая была на год старше, знали кастильский, латинский, французский и даже арабский. Девочки изучали грамматику, риторику, математику, музыку, астрономию... Всего не перечислишь.

И вот в конце зимы 1200 года за невестой для Луи, наследника французской короны, прибыла вдовствующая королева Алиенора — мать нашей Леонор. Гостье было уже под восемьдесят. Но когда в Большой зал дворца царственной поступью вошла облаченная в горностаевую мантию, по-прежнему стройная женщина с безупречной осанкой и моложавым лицом, все ахнули. Ее величие завораживало, властность покоряла, а слова не подвергались сомнению.

Алиенора задумалась: какую из внучек выбрать в супруги принцу Людовику? Уррака была старшей, поэтому именно для нее родители собирали приданое и именно ее готовили к отъезду во Францию. Но бабушка решила присмотреться к девочкам повнимательнее. Вышивая, играя в шахматы, гуляя по саду или сидя за трапезой, она постоянно анализировала их поступки.

Уррака любила производить впечатление на окружающих. Бланка же предпочитала наблюдать за ними. Алиенора придумала игру: просила младшую внучку охарактеризовать того или иного придворного. К удивлению вдовствующей королевы, не по-детски меткие замечания девочки почти всегда соответствовали действительности. Да и в компании сверстниц верховодила Бланка. Ее негромкая речь привлекала внимание и заставляла подруг прислушиваться и подчиняться.

Бланку искренне интересовал мир вокруг. Урраку интересовала она сама в этом мире.

Наконец Алиенора приняла решение: ее выбор пал на младшую внучку! Именно Бланке с ее врожденным тактом, целеустремленностью, умением разбираться в людях и управлять ими предстояло стать королевой Франции. Ее величество Леонор сначала

обиделась, сочтя выбор матери унижительным для Урраки. Но непререкаемый авторитет Алиеноры Аквитанской взял верх. Бланку стали собирать в дорогу. Вдовствующая королева выделила деньги на ее приданое.

— Недели через две пышный эскорт увез мою девочку в холодный Париж, — со слезами закончила рассказ донья Тереза, промокнув глаза складками белого вимпла. — Урраку же вскоре выдали замуж за португальского короля. Госпожа Алиенора и тут оказалась права: доброе имя ее старшей внучки ничуть не пострадало. А мне, после того как мои девочки разлетелись из родительского гнезда, король Альфонс выделил хорошие поместья. Я стала богатой женщиной и вновь вышла замуж. Но и во втором браке мои детки умерли в младенчестве. Видно, грешна я перед Богом. Вот и отправилась покаяться перед смертью у гробницы Святого Иакова...

Старая кастильянка беззвучно заплакала, и Сабина, искренне сочувствуя ей, больше не задавала вопросов. Собрав нехитрые пожитки, женщины в молчании продолжили путь.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросила у Сабины донья Тереза в Леоне, незадолго до того, как они расстались.

Кастильянка заметно осунулась: в ее возрасте тяжело было переносить далекое паломничество.

— После смерти мужа мне не позволят самостоятельно управлять сеньорией, а потому заставят выйти замуж. Я же этого не желаю. Значит, нужен грамотный советчик, который поможет мне разобраться с опасным наследством, и искать такого человека лучше при французском дворе. — Молодая женщина впервые облекла свои смутные мысли о будущем в слова. — Поэтому я хочу перебраться в Париж.

— В Париж? — Донья Тереза задумалась и, порывшись в своих вещах, что-то достала оттуда. — В таком случае у меня к вам огромная просьба! Мне в Париж уже не попасть... Пожалуйста, вручите моей Бланке ладанку с прядями волос ее родителей. Альфонс и Леонор умерли почти одновременно, с разницей всего в три недели, и я срезала на память их локоны. Долгое время хранила их у себя, теперь же передаю реликвию их дочери. А еще преподнесите Бланке сделанный мною кошель — пусть вспомнит свою старую няньку.

И сердобольная женщина, всхлипывая, протянула Сабине бархатную ладанку и искусно вышитый золотыми нитями кошель. Баронесса слегка растерялась от такого доверия, но все же согласилась исполнить просьбу. Неподдельный интерес, который она и прежде испытывала к Бланке Кастильской, после рассказа доньи Терезы лишь усилился. Вопрос о том, как попасть на аудиенцию к французской королеве, решил сам собой. Теперь в руках у Сабины был весомый повод для встречи: она должна передать ее величеству осязаемый привет с родины, из далекого детства...

Проведя несколько дней в Леоне, женщины сердечно простились. Слов за долгие недели пути было сказано немало, поэтому при расставании дамы ограничились небольшим озером слез.

Успешно преодолев перевалы Пиренеев, Сабина со слугами вернулась в замок Лабри, ставший ей родным. Лето было в самом разгаре. Лес дурманил ароматами и сиял дивными красками юга. Сабина любила эту пору; когда-то она с удовольствием гуляла с мужем по знакомым тропинкам, без умолку болтая обо всем на свете, или прохаживалась в одиночестве, размышляя, мечтая и собирая охапки восхитительно пахнущих цветов.

Сейчас же, без мужа, замок оглушал ее душераздирающей пустотой и навевал неизбежную тоску.

— Дорогой Арно, я попросила для тебя у святого Иакова Царствия Небесного. Надеюсь, он меня услышал, — шептала молодая вдова, поглаживая знакомые предметы в комнате барона.

На нее нахлынули болезненные воспоминания, и Сабина тяжело опустилась в резное кресло у письменного стола.

Когда-то восприняв замужество как досадную необходимость, она долгие годы не задумывалась о том, как комфортно ей жилось под защитой сильного и чуткого супруга. И лишь потеряв его, осознала свою слабость и бесправность в мире, принадлежавшем мужчинам. Ее сюзерен — герцог Аквитании, он же король Англии Генрих Третий — лишь вежливо дожидается окончания траура, который длится год. А потом выгодно продаст богатую вдову одному из своих верных помощников. Если к тому времени какой-нибудь нетерпеливый сосед не возьмет ее в жены силой... Сабина с отвращением передернула плечами, словно разглядела сквозь толстые стены донжона хищные

оскалы мужчин, замерших перед решительным броском на обреченную добычу.

— Нужно бежать. В Париж, немедленно! Мне необходим могущественный покровитель... или покровительница, — громко произнесла Сабина и провела по шее рукой, словно снимая удушливую петлю, захлестнувшую ее. Прочь отчаяние, надо жить дальше.

План — к кому обратиться в Париже за поддержкой и помощью — уже созрел в ее хорошенькой головке.

[2](#) Невероятный, сказочный храм (*лат.*).

Тулуза. 1205—1218 гг.

Пятилетняя зеленоглазая девчушка, открыв ротик, восторженно смотрела на сказочную фею в переливчатой шелковой котте. И на ее пояс — широкий, сколотый на бедре массивной пряжкой и сиявший разноцветными камнями и золотой вышивкой. Такого у ее мамы не было!

— Познакомься, Сабина, со своей родной тетей — баронессой де Лонжер! — Мать натянуто улыбнулась и слегка подтолкнула девочку вперед.

Сообщение о том, что стоявшая перед ней шикарная сеньора еще и ее родная тетя, весьма ошеломило маленькую Сабину, и вежливые фразы, которые она заучивала с мамой последние несколько дней, окончательно перепутались в детской головке. А Агнесса де Лонжер — молодая, уверенная в себе женщина, — не дождавшись от племянницы ответа, но увидев в ее распахнутых глазках неподдельный восторг, тепло улыбнулась.

— Будем знакомиться? — Наклонившись, она нежно погладила ребенка по медовым кудряшкам. — Называй меня «тетя Агнесса». Скоро проснется твоя кузина; надеюсь, вы подружитесь. А пока я покажу вам дом, в котором вы отныне будете жить.

Взяв племянницу за руку и бросив на сноху колючий взгляд, баронесса повела их по дому — великолепному двухэтажному особняку, расположенному в богатом квартале Тулузы. Они прошли по роскошному залу с мраморным полом и огромным камином, осмотрели спальни с широкими кроватями под темными балдахинами, заглянули в кабинет баронессы с многочисленными книжными полками и массивным столом. Не было счету напольным бронзовым подсвечникам, ажурным люстрам, свисавшим на длинных цепях с высоких потолков, разноцветным сундукам и бархатным подушкам, лежавшим на резных скамьях. Восхищенной девочке не терпелось потрогать потрясающие своей красотой предметы, которыми был украшен волшебный дворец, но она сдерживалась: главное сейчас — продемонстрировать тете хорошее воспитание. Нельзя допустить, чтобы из-за ее шалостей их с мамой выгнали на улицу. В изумительной конюшне девочка даже до боли прикусила губу: в теплых стойлах

стояло несколько хорошеньких лошадок, и ей очень захотелось их погладить.

Но больше всего маленькую Сабину очаровал ухоженный пестрый сад, куда они вышли через резные двухстворчатые двери, выполненные в мавританском стиле. Дом баронессы находился в центре шумного города, но в огороженном высокой стеной саду было на удивление тихо, лишь пение невидимых птиц услаждало слух. Аккуратная аллея, окруженная с двух сторон фигурно подстриженными кустами самшита, вела к небольшому водоему с мозаичным дном, вокруг которого несли торжественную вахту белоснежные фигуры языческих божеств. Стояла середина лета, и упоительный воздух, казалось, был соткан из ароматов созревающих фруктов, сочной зелени и цветущего жасмина. Задржав голову, девочка шумно втянула в себя сладкие запахи и с наслаждением ахнула, подражая взрослым. Женщины засмеялись, а Сабина, позабыв о намерении вести себя сдержанно, высвободила руку и помчалась за красавицей-бабочкой, порхавшей над яркой цветочной клумбой. Агнесса воспользовалась этим, для того чтобы внести ясность в свои отношения с женой брата.

— Мадам Мадлен! Во избежание недоразумений между нами выскажусь сразу. Я очень любила своего брата — вашего мужа, — царствие небесное ему и всем рыцарям, погибшим в том ужасном походе на Константинополь. А эта зеленоглазая егоза, так похожая на Робера, уже запала мне в душу, — и она кивнула в сторону племянницы, которая успела поймать кузнечика и теперь пытливо глядела на него, — однако с вами я почти не знакома, а значит, не испытываю к вам каких-либо чувств, особенно родственных. Поэтому не ждите от меня нежностей. Но в остальном вы будете обеспечены. Я выделила несколько удобных комнат для вас и ваших слуг. Кстати, сколько их у вас?

— Двое: моя камеристка и няня Сабины, — опустив глаза, ответила Мадлен виновато: горести и лишения сделали ее робкой и покорной.

— Замечательно! Двух помощниц вам вполне достаточно, а учиться Сабина будет вместе с моей дочерью, которая старше ее всего на год. Вот и она!

Под надзором строгой няни в сад вошла девочка, похожая на куклу, и лицо Агнессы, мгновенно смягчившись, озарилось приветливой

улыбкой. Поправив на дочери ярко-желтое, расшитое серебряными колокольчиками платьице, она весело крикнула племяннице:

— Сабина, познакомься со своей кузиной Аделаидой!

Подбежавшая малышка, одетая в застиранное и не раз перешитое платье, вопреки ожиданию даже не посмотрела на великолепный наряд сестры, а сразу заглянула ей в глаза. Аделаида посмотрела на полунищенское одеяние кузины, и ее личико поначалу сморщилось в брезгливой гримасе, но под пристальным зеленоглазым взглядом постепенно разгладилось, а после того, как Сабина неожиданно хмыкнула, и вовсе просияло улыбкой. Смех мгновенно растопил неловкость, и дочь хозяйки предложила своей новой подружке полюбоваться огромным кустом шиповника. Девочки умчались, и Агнесса облегченно выдохнула: они поладят.

Мадлен не обиделась на золовку, понимая, что в смерти брата, точнее в том, что тот сбежал из собственного дома, Агнесса винила прежде всего ее.

Мадлен родилась в многодетной семье бедного рыцаря, и у нее почти не было шансов выйти замуж за ровню. Но, не особо огорчаясь по этому поводу, она меланхолично плыла по течению, пока Робер — отважный рыцарь с мощным зарядом жизнелюбия — не пленился ее идеальной красотой. В порыве всепоглощающей страсти он решил жениться на Мадлен без всякого приданого, и родители невесты, посчитав это подарком Господа, немедленно сыграли свадьбу.

Однако шумные торжества быстро закончились, а вскоре улетучился и хмель новизны. Молодая хозяйка небольшого замка, затерянного среди густых лесов Шампани, впала в привычную томную задумчивость, и страстная влюбленность Робера стала гаснуть. Мадлен замечала, как его задорный смех, от которого, казалось, сотрясались стены дома, все чаще разбивался о ее рассеянную улыбку. Даже дочь, родившаяся через год, не помогла женщине привязать к себе деятельного супруга. Окончательно заскучав в собственном доме, Робер с облегчением ухватился за идею отправиться в новый военный поход на Восток³. Без сожаления заложив замок, рыцарь купил боевого коня и прочные доспехи и, нашив на левое плечо крест, умчался за новыми впечатлениями.

Оставшись без поддержки мужа, Мадлен, не обладавшая даже намеком на хозяйскую жилку, еще больше залезла в долги и окончательно запуталась. После известия о том, что Робер де Фруа погиб на стенах Константинополя, кредиторы безжалостно отобрали поместье, выставив вон его бывшую владелицу с малолетней дочерью. Агнесса же — воздай ей, милосердный Господь, за ее доброту! — узнав о злключениях близких родственников, тут же пригласила их к себе.

Племянница золовке понравилась, и Мадлен обрадовалась этому. Пусть на нее самую обрушатся все проклятия мира, лишь бы дочь росла в достатке и, получив достойное воспитание, удачно вышла замуж. Успокоенная, женщина навсегда погрузилась в мир грез и молитв и тихо семеняла во вдовьем покрывале между своей комнатой и маленькой часовней неподалеку от особняка.

Заметив странности непрактичной снохи, баронесса де Лонжер поняла, что отныне заботы о воспитании и будущем племянницы лягут на ее плечи. Но не смутилась, потому что искренне полюбила смышленную девочку и, держа слово, действительно не делала разницы между дочерью и Сабиной. Последняя легко выучила латынь и язык южан — *lange d'oc*⁴, и читала на нем почти все свободное время. Не забывала баронесса и о языке своего детства — северном диалекте франкского — *lange d'oil*. Ведь неизвестно, за кого девочки выйдут замуж.

Вскоре они приступили к освоению тривиума, состоявшего из риторики, диалектики и грамматики, для чего баронесса, не скупясь, пригласила знаменитых монахов, прославившихся своей преподавательской деятельностью. Аделаида первое время капризничала, не желая учиться, но, увидев увлеченность и успехи кузины, постаралась не отставать от нее.

— Молодец, доченька! — похвалила ее Агнесса, зайдя однажды на урок в классную комнату. Она прослушала процитированный Аделаидой большой отрывок из «Энеиды» и приятно удивилась. — В награду за ваши успехи в учебе... Ведь ваши воспитанницы делают успехи, брат Анри?

— Несомненно, — улыбнулся одними глазами седовласый монах, — и они достойны поощрения.

— Мы совершим путешествие в Ним, где вы увидите изумляющий своими размерами римский акведук — Пон-дю-Гар, несущий воду в город.

Девочки, обожавшие подобные поездки, завизжали от восторга и закружились по комнате. Заметив, что наставник укоризненно покачивает головой, Сабина сразу же успокоилась, а вот Аделаида продолжала хлопать в ладоши. Столь необузданное поведение дочери живо напомнило Агнессе о покойном муже.

Своего Бертрана она встретила в Париже, вскоре после того, как Филипп Август приехал из Палестины⁵. Король вернулся очень больным, поэтому никаких торжеств не было, однако вассалы приезжали отовсюду, чтобы выразить верноподданнические чувства, а главное — разведать обстановку. Робер де Фруа был одним из таких визитеров. Недавно вступивший в наследство и теперь наслаждавшийся ролью хозяина — дело было задолго до его собственной женитьбы, — он решил показать младшей сестренке Париж. На одном из пиров в королевском дворце Робер быстро поладил с бароном де Лонжером, как неизменно ладил со всеми, и с жизнерадостным нахальством познакомил его со своей сестрой. Рассудительная красивая девочка с большими ореховыми глазами запала в душу немолодому Бертрану, и благодаря безудержному славословию Робера вопрос о браке вскоре был решен.

Через два года, достигнув пятнадцатилетнего возраста, Агнесса оказалась на незнакомом Юге и сразу же в него влюбилась. Особенно в Тулузу, опоясанную кольцом красноватых крепостных стен, словно девица нарядной лентой, и кокетливо жавшуюся к правому берегу Гаронны. Этот потрясающий город, выстроенный в центре южных торговых путей из розового камня, со своими соборами, высокими колокольнями, широкими площадями и благоухающими садами никого не оставлял равнодушным. Юная северянка также влюбилась в этот город-мечту, где они с мужем проводили зиму. Летом же барон и его жена переезжали в крепкий горный замок на юге Тулузского графства.

Разница в возрасте не помешала супругам установить между собой доверительные отношения, и постепенно Агнесса взяла бразды хозяйственного правления в свои руки. Бертран не возражал. У его жены была крепкая деловая хватка, и отныне, отправляясь в военные походы, он без страха оставлял замок и особняк в Тулузе на нее.

Двое их детей умерли еще в колыбели, но третий пережил опасное младенчество. Бертран души не чаял в кареглазой дочери и уже присматривал для нее женихов, но погиб, едва Аделаиде исполнилось три года, в Пиренеях во время обычного рейда под предводительством графа Тулузского: лошадь барона поскользнулась и вместе с седоком свалилась в пропасть.

Щепетильный Раймон Тулузский, чувствуя косвенную вину в смерти своего верного вассала, старательно помогал его вдове. И Агнесса окончательно обосновалась в столице графства, оставив замок, расположенный в горах, на попечении сенешаля. Благодаря своей смекалке и щедрым заботам графа баронесса значительно преумножила унаследованный капитал, так называемую вдовью долю⁶, и зажила на широкую ногу. Когда закончился положенный траур, обожавшая светскую жизнь Агнесса вновь окунулась в вихрь развлечений и стала завсегдатаем знаменитых пиров в Нарбоннском замке⁷.

Дух утонченной светской культуры, так называемой куртуазности, был в жизни знати основополагающим. Хотя почти все аристократы считали себя истинными католиками, они вполне лояльно и даже с любопытством относились к инакомыслящим, в том числе и к катарам. Тон задавал умный, красноречивый, обаятельный хозяин Тулузы — граф Раймон де Сен-Жиль, образованнейший человек своего времени.

Начитанная мадам де Лонжер также слыла тонкой ценительницей поэзии трубадуров и остроумной собеседницей, непринужденно дискутировавшей о литературе, архитектуре и даже философии, а ее подкупающее жизнелюбие и искрометный юмор служили украшением графских пиров.

Однажды, находясь под воздействием лишнего кубка вина (а может, мерцание свечей окутало красавицу Агнессу магическим флером?), граф Раймон воспылал к ней страстью. Тщеславие баронессы пропело победный марш, и она ответила на его чувство. Она и прежде имела возможность убедиться в легендарной щедрости графа, после того же, как Агнесса стала его любовницей, на нее пролился обильный золотой дождь. В качестве постоянной денежной ренты властелин Юга передал ей половину пошлины от торговли сукном в Тулузе. Воистину царский

подарок! Однако его любовь оказалась столь же быстротечной, сколь и страстной. Охладев к Агнессе, Раймон стал терзаться угрызениями совести, не зная, как завершить прискучившие ему отношения. Но внимательная женщина вскоре избавила его от нежелательного замешательства.

— В последнее время, мессир, вы все больше скучаете рядом со мной, о чем красноречиво говорит ваш взгляд. Меня это удручает.

— Вам показалось, дорогая Агнесса. Возможно, это просто усталость, — ответил Раймон, однако смущение противоречило его словам.

— Раймон, вы считаете меня умной женщиной? — поинтересовалась Агнесса, с загадочной полуулыбкой поглаживая себя по шее кончиком толстой косы.

— Безусловно, вы одна из умнейших дам при моем дворе! — Граф охотно прибегнул к лести, желая уйти от неприятного разговора. Он зачарованно следил за движением каштановых волос в женских руках.

— Тогда не лукавьте со мной! Я достаточно хорошо вас знаю и не собираюсь обременять...

— Но, мадам, вы неправильно меня поняли...

— ...и предлагаю вновь вернуться к исключительно дружеским отношениям.

Раймон нравился Агнессе как правитель и друг, но совершенно не впечатлил ее в роли любовника. Однако эти откровения мудрая баронесса, разумеется, оставила при себе. Граф же, не подозревая об истинных причинах, повлиявших на ее решение, проникся к Агнессе уже несокрушимым уважением, и это еще сильнее укрепило их дружбу на долгие годы.

— Жаннета, тебе больше нечем заняться?! — раздраженно воскликнула Агнесса, увидев у двери посудомойку, — та сидела на низеньком табурете и чистила песком закопченный котел.

Служанка, захлопав ресницами, залепетала что-то в свое оправдание, но рассерженная баронесса, не удосужившись ее выслушать, быстро вошла в жаркую и шумную кухню, где все шипело и булькало. Висевшие на стенах сковородки, кастрюли и черпаки сияли начищенными боками, а вереницы кувшинов, горшков и мисок, расставленных на полках, соперничали друг с другом разнообразием

форм и размеров. Пройдя возле гигантского очага и споткнувшись о тяжелые щипцы, Агнесса негромко чертыхнулась и принялась отыскивать глазами главного повара среди бесчисленных слуг, бросившихся в разные стороны под ее грозным взглядом. Наконец она заметила повара возле стола, на котором покорно лежала огромная щука.

— Мартин, у твоих помощников нет более важных дел? — Агнесса сердито тронула его за плечо и махнула рукой в сторону испуганной посудомойки.

— Не люблю грязную посуду, — устало улыбнулся невысокий мужчина, вытерев капли пота на круглом добродушном лице. — Не волнуйтесь, моя сеньора, мы работаем без отдыха, и уже почти все готово.

— Ты уверен, что вы успеете?

— Конечно. Вы и ваши гости останетесь довольны. — И Мартин, не совсем вежливо отвернувшись, вновь сосредоточился на щуке, намереваясь сотворить из нее кулинарный шедевр.

Взгляд хозяйки потеплел. С удовольствием втянув ноздрими аппетитный запах томившейся в горшочке на углях мясной подливки, щедро сдобренной чесноком и ароматными пряностями, баронесса отправилась взглянуть на слуг, занимавшихся украшением большого зала и сервировкой праздничного стола.

Агнесса ждала в гости графа Тулузы. Вчера он прислал к ней гонца со связкой битой дичи — видимо, после удачной охоты — и запиской, извещающей о его намерении поздравить дочь баронессы со вступлением в брачный возраст. Это было лишь предлогом, но предлогом обескураживающим! Каким образом граф — после несчастий, обрушившихся на него за последние три года, — помнил такие мелочи, как возраст детей своих вассалов? Разумеется, Агнесса догадалась об истинной цели визита. Смертельно уставший Раймон искал у подданных утешения и поддержки, чтобы, напившись их теплом, продолжить борьбу.

Длившаяся более двух лет война истощила его моральные силы. Как ловко римский понтифик натравил одну половину Франции на другую под благовидным предлогом искоренения катарской ереси в Лангедоке!

Целый год Раймон де Сен-Жиль пытался предотвратить войну, ведя переписку с Иннокентием Третьим и лично встречаясь с королями Франции и Арагона, а также с влиятельными баронами Юга. При этом граф согласился даже на унижительную процедуру прилюдного покаяния после очередного отлучения от Церкви⁸. Презрев муки самолюбия, гордый владыка Лангедока, по пояс обнаженный, с веревкой на шее, смиренно прошел сквозь скопище ротозеев. Фанатичная толпа безжалостно бичевала его пучками розог и злобно шипела, пока он на коленях каялся перед разобиженными церковниками. После пережитого кошмара граф надеялся на диалог. Говорили, что он способен убедить даже мраморную статую в соборе, но властолюбивый папа Иннокентий Третий оказался прочней каменного изваяния.

Война все-таки разразилась!⁹

Герцог Бургундии и несколько графов, откликнувшись на призыв понтифика, отправились воевать в Тулузское графство, но после окончания карантина¹⁰ сразу вернулись на свои земли: уничтожать братьев во Христе им было не по нраву. Лишь странный Симон де Монфор, назначенный осенью 1209 года предводителем этого похода, продолжал завоевывать Юг.

Месяц назад Иннокентий Третий снова отлучил Раймона от Церкви¹¹. Но даже после этого миролюбивый граф не оставлял надежды избавить свой народ от военных бед и вновь и вновь пытался договориться с папскими легатами. Безрезультатно. Не сегодня-завтра Симон де Монфор возьмет Лавор, затем Кассе, а затем останется лишь Тулуза...

Агнесса отогнала печальные мысли: грусть — плохой помощник. От нее ждут тепла, и она приложит все усилия, чтобы сделать сегодняшний вечер незабываемым.

Едва село солнце, как с улицы донесся искренний, заразительный смех графа Тулузского. Посмотрев украдкой в окно, Агнесса увидела на ярко освещенном факелами дворе, как Раймон, спешившись, от души хлопнул по крепкому заду пробегавшую мимо служанку.

— Ах, какая ягодка! — И смех любвеобильного мужчины сочно брызнул во все стороны. Его спутники тоже невольно расхохотались.

Теперь эта девица много лет будет рассказывать подружкам о том, что ее удостоил внимания сам сеньор Тулузы!

Свита графа состояла всего из трех человек, что подтверждало предположение баронессы о цели его визита. Она быстро спустилась по широкой лестнице.

— Время не властно над вами, мадам де Лонжер! — Раймон с откровенным удовольствием рассматривал бывшую любовницу, целуя ее холеную ручку, и факельные блики шаловливо искрились в его темных глазах. — Вы, как всегда, прекрасны!

— А вы, как всегда, галантны, мессир! И ваша галантность лишь возрастает, — рассмеялась польщенная Агнесса, вскинув глаза на высокого графа. Они не виделись около двух лет.

Несмотря на то что Раймону шел шестой десяток, в его волнистых каштановых волосах седина была едва заметна. Однако аристократическое лицо усеяла сеть мелких морщинок, а глубоко в глазах навсегда поселилось страдание. «Тем не менее в этого импозантного мужчину все еще легко влюбиться», — сказала себе баронесса, сопровождая гостей в праздничный зал.

Мартин не подвел ее — отменные кушанья просто таяли на языке. Граф — настоящий гурман — не уставал расточать комплименты подносимым блюдам, а хозяйка дома лишь краснела от удовольствия. Перед десертом Раймон выказал желание увидеть «девочек баронессы».

— Девочек? — Агнесса не переставала удивляться.

— Вы полагаете, что я забыл о племяннице, которая находится под вашим попечительством? — улыбнулся граф, не сводя с красивой женщины мягкого, затуманенного вином и желанием взгляда. — Я пока что не страдаю забывчивостью.

Вскоре привели двух худеньких девочек. За последнее время они сильно вытянулись, стали долговязыми, но милovidные личики обещали вскоре расцвести красотой. По знаку графа паж принес два ярко-синих бархатных свертка. Раймон тут же развернул их, и все ахнули! В его руках колыхалась пара великолепных плащей, подбитых густым мехом новгородских белок.

— Скоро вам, милые бутончики, придет время выходить замуж. Примите от меня эту скромную лепту к вашему приданому.

— Какая роскошь! — воскликнула баронесса, подталкивая девочек для благодарственного поклона.

Граф удовлетворенно хмыкнул — он обожал делать подарки.

Покончив с вкуснейшим ужином, гость предложил Агнессе обсудить наедине деловые вопросы. Обсуждение происходило у нее в спальне. До утра.

Баронесса в сопровождении воспитанниц вышла из базилики Сен-Сернен. Война войной, но от воскресной мессы в главном соборе Тулузы она никогда не отказывалась. Чудесное, погожее утро еще больше улучшило и без того приподнятое настроение, и, лукаво улыбаясь, мадам де Лонжер предложила:

— Прогуляемся?

— Непременно! Обязательно! — загалдели девушки и со смехом, перебивая друг дружку, принялись выбирать направление прогулки.

— Юные сеньориты! Ведите себя прилично, мы все-таки находимся возле священных стен, — строгим тоном попыталась Агнесса урезонить расшумевшихся девочек, но не выдержала и сама расхохоталась.

Смех стал ныне непозволительной роскошью, а потому разлетелся странным эхом по почти пустой, выложенной камнем площади. Когда-то здесь было не протолкнуться из-за паломников, идущих по пути Святого Иакова, но с началом войны величественный бело-розовый собор обезлюдел.

Несколько прихожан опасливо оглянулись на веселых дам и еще быстрее засеменили в сторону своих жилищ. Проводив их задумчивым взглядом, баронесса вновь оглянулась с благоговением на восьмигранную колокольню Сен-Серненского аббатства, своей вершиной впитывающую холодные лучи мартовского солнца, и истово осенила себя крестным знаменем.

Было прохладно, и дамы зябко кутались в меховые плащи с большими капюшонами. Однако волнующий запах весны, витавший в воздухе, становился все ощутимее, и баронесса с девочками не спеша направились в сторону Капитолия — перестроенного древнеримского храма.

— Тетя, расскажите же наконец про каталонских женщин-рыцарей! — звонко попросила Сабина. — Сейчас для этого самое

время!

— Может, лучше обсудим мое замужество? — капризно выпятила нижнюю губку Аделаида.

Как дочь баронессы ни старалась, она так и не полюбила учебу. Когда девочки перешли к более сложному этапу — квадривиуму, куда входили арифметика, геометрия, астрономия и музыка, Аделаида поняла: за любознательной кузиной ей не угнаться. И сосредоточила свои интересы на нарядах, украшениях и увеселениях, которые непременно вели к главному событию в жизни женщины — замужеству.

— Ох, доченька моя дорогая, — тяжело вздохнула Агнесса, — я об этом думаю день и ночь, ведь тебе уже шестнадцать лет! Но подходящих женихов унесла многолетняя война. На какую семью ни посмотрю, везде одно и то же: погиб, погиб, погиб...

— Ужас! — передернула плечами Аделаида.

Дамы прослезились.

— Тем более, тетя Агнесса, — первой пришла в себя Сабина, — давайте сменим тему разговора.

— Ты, как обычно, рассуждаешь здраво! — похвалила тетя племянницу и продолжила: — Расскажу-ка я вам лучше занимательную историю. Дело было в Тортосе. Христиане под предводительством тамплиеров наконец-то отвоевали эту каталонскую крепость у сарацин. Однако через год неверные решили отомстить и начали штурм Тортосы, уверенные в легкой победе (в крепости почти не осталось мужчин — те в это время осаждали Лериду). Но не тут-то было. Язычники не учли воинственного духа христианских женщин! Надев доспехи мужей и братьев, отважные жены с боевыми топорами забрались на крепостные стены и успешно отразили вражеские атаки. И нужно заметить — в наступление шли регулярные войска сарацин, а не какой-нибудь разношерстный сброд! Граф Барселоны Раймон-Беренгер Четвертый подошел к городу, когда мусульмане уже отступили. Подвиг женщин потряс его! В знак благодарности он воздал дочерям Тортосы достойные почести — основал Орден Топора. Замужние женщины имеют в нем одинаковые права с мужьями, а незамужние — с братьями и отцами. Женщины-рыцари Ордена Топора на равных участвуют в сборах, освобождены от налогов и передают свой рыцарский титул по... женской линии!

— Невероятно! — выдохнула потрясенная Сабина с блестящими от удивления глазами. — Ордену Топора уже около семидесяти лет, но я уверена — о нем мало кто знает!

— Ты права, — великодушно согласилась настроенная на философский лад Агнесса, слышавшая эту историю из уст всезнающего графа Тулузского. — Хроники составляют монахи-мужчины, а им незачем увековечивать столь курьезный с их точки зрения факт. Лучше промолчать, дабы не создавать прецедентов.

— И то правда, — согласилась Сабина, с явным напряжением силясь понять тетину философию.

— В чем мужчины видят наше главное предназначение? Только в продолжении рода! Остальные прелести жизни они в трогательной заботе о нас галантно оставляют для себя, — саркастично хохотнула Агнесса. — Вот почему мне сразу же понравился свободолюбивый Лангедок. В отличие от Севера, здесь к голосу женщин прислушиваются, их уважают, а в правах наследования они равны с мужчинами. Дама, которая пером владеет лучше, чем веретеном или иглой, становится объектом восхваления, а не осуждения!

— Поэтому вы и не вышли снова замуж?

— Совершенно верно, моя любопытная племянница! — Задорное настроение не покидало баронессу. — Дважды поймать удачу за хвост в виде снисходительного к моим желаниям супруга мне не суждено, а сидеть взаперти в каком-нибудь замке на вершине горы совсем не хочется. И здесь мне на выручку снова пришел граф Раймон, решительно ограждавший меня от настырных претендентов.

— Тарабарщина какая-то. — Аделаида откровенно зевнула. Она не любила, когда ее мать и кузина вступали в интеллектуальные беседы, и ревность, усиленная завистью, больно кольнула ее.

— Все, все! — тут же сдалась Агнесса.

Материнское самолюбие было уязвлено: в который раз она с сожалением поняла, что ее ум передался по наследству племяннице, а не дочери. В этот миг из-за угла показался знакомый молодой человек, и баронесса весело воскликнула:

— Девочки, похоже, сегодняшней день мы проведем в обществе мужчины! По нынешним временам это большая редкость, а потому роскошь!

— Кто это? — На лице Аделаиды тут же появилось хищное выражение.

— Кретьен де Термес, племянник одной моей знакомой. Я как-то говорила вам о нем. Он чудом спасся после резни в Минерве и сейчас живет у отцовской родни здесь, в Тулузе. Я имела удовольствие несколько раз с ним беседовать; весьма неглупый юноша. Кретьен! — окликнула молодого человека Агнесса. В каждом мужчине она невольно видела потенциального жениха для Аделаиды или Сабина, хотя и осознавала: бедный юноша, которого родственники приютили из сострадания, не пара ее девочкам.

Перед дамами предстал привлекательный блондин лет семнадцати, среднего роста, с широкими прямыми плечами, на которые был наброшен темный плащ с кожаным оплечьем, и пронзительно-голубыми глазами. Цвет неба, резко контрастировавший с черной шляпой, завораживал, и Сабина невольно замерла, до тех пор пока Агнесса не дернула ее за рукав. Кретьен в свою очередь смотрел на высоких стройных девушек. Румяные лица, сияющие озорной юностью, свидетельствовали о том, что они родственницы, лишь цвет глаз отличался: одни были янтарные, другие же напоминали молодую зелень. Но глядели девушки по-разному. Кареглазая источала елейность легкомысленной кокетливости, умный же взгляд и благожелательная улыбка зеленоглазки приглашали к доверительной беседе.

— Познакомьтесь, сеньор де Термес, это моя дочь Аделаида и племянница Сабина. — Баронесса де Лонжер поочередно указала на девушек рукой, затянутой в лайковую перчатку.

Ответ юноши был заглушен неожиданным криком, донесшимся с соседней улочки. Вслед за этим послышалась отборная ругань и ожесточенный звон стали. Не иначе в какой-то таверне сцепились сторонники различных политических сил, перейдя от словесных аргументов к оружию. К спору тут же присоединились собаки: их отрывистый лай слышался со всех сторон, и редкие прохожие торопливо исчезали в ближайших калитках. В нескольких окнах показались любопытные лица, но большинство горожан закрыли даже ставни, видимо, уже наученные не совать нос в чужие дела.

После нескольких сокрушительных поражений граф Раймон де Сен-Жиль вместе со своим юным сыном все же покинул Тулузу,

отправившись искать новых союзников. И его некогда миролюбивая столица покрылась безобразной паутиной баррикад, а улицы застонали от кровавых потасовок, зачастую перераставших в открытые вооруженные столкновения. Город разделился на два лагеря: сторонников епископа Фолькета — апологета борьбы с катарами — и приверженцев графа де Сен-Жиля.

— Сеньор Кретьен, проводите нас домой. День, похоже, окончательно испорчен! — засуетилась Агнесса, понимая, что вскоре к поединку присоединятся белые и черные, и тогда разгорится кровопролитный бой¹².

— С огромным удовольствием! — откликнулся молодой человек.

Девушки с двух сторон взяли его под руки, и они все вместе быстро зашагали к дому.

Слегка подкрепившись сыром со свежими лепешками и запив их разбавленным вином, баронесса и ее спутники расположились в просторной гостиной на втором этаже, где под лучами южного солнца сияли витражи. Свет, проникая сквозь разноцветные стекла, расплескивался по комнате красочными пятнами, оживляя и без того выразительные шпалеры* с ветхозаветными сценами, обильно развешанные по стенам. Эти окна, как и убранство комнаты, свидетельствовали о расточительности, но баронесса любила шик. Резные столики, расставленные по залу с видимой небрежностью, были заставлены корзинками с рукодельем, подносами с фруктами и чеканными кувшинами с вином. Особняком в окружении уютных кресел стоял изысканный шахматный столик с фигурами из слоновой кости и черного агата. За ним-то и устроились Кретьен с Сабиной: оказалось, что они оба заядлые шахматисты.

Аделаида заскучала и вскоре демонстративно удалилась в свою комнату. Ее откровенный флирт не произвел впечатления на умного юношу. Сабина заметила, как сестра гневно фыркнула; наверняка она мысленно обозвала его мужланом. Вскоре, встревоженная грохотом и криками в кухне, ушла и баронесса — выяснять причины шума и наказывать виновных.

Сабина осталась с Кретьеном наедине. Она уже успела немного рассказать ему о себе и теперь ждала такой же откровенности от него, но юноша явно не спешил делиться с ней своей историей. Кретьен был

скуп на слова и улыбки. Сабина даже мысленно ставила себе маленький плюстик за очередную реплику, после которой уголки его губ приподнимались. Услышав страшное слово «Минерва», девушка догадалась, что этот юноша происходит из семьи катаров и пережил ужасную трагедию. Наконец любопытство взяло верх над деликатностью.

— Кретьен, расскажите, пожалуйста, о себе, — попросила Сабина. — Незадолго до того, как вас представить, тетя сказала, что вы были в Минерве, когда ее захватили северяне. Это правда?

— Правда. — Лицо юноши вмиг побледнело, щека дернулась от волнения. Спыхватившись, Кретьен низко опустил голову и добавил: — Но разрешите сделать это позже. Сегодня так славно...

— Конечно... Как пожелаете!

Испуганная Сабина поняла, что, пойдя на поводу у собственного нетерпения, поступила бестактно. И в порыве раскаяния накрыла ладонью мужскую руку, лежавшую на столике. Кретьен печально улыбнулся и, принимая извинения, положил другую руку сверху.

За этим своеобразным рукопожатием и застала их мадам де Лонжер. Немного опешив от увиденного и не зная, как себя вести, она сделала вид, будто ничего не заметила. Молодые люди поспешно отстранились друг от друга.

— Скоро подадут ужин. Кретьен, прошу вас, разделите с нами трапезу, — произнесла баронесса.

Как ни старалась она говорить ровным тоном, в ее голосе все же проскользнули нотки раздражения.

— Я и так злоупотребил вашим гостеприимством. Позвольте откланяться. К тому же, уходя из дома, я не предупредил о своем долгом отсутствии, — быстро ответил чуткий ко всякой фальши гость и, уже дойдя до дверей, внезапно обернулся. — Разрешите иногда заходить к вам... на партию в шахматы?

Озадаченная Агнесса лишь кивнула в ответ.

— Сынок, забирай младших братьев и уходи из города. Умоляю! — Рыдающая мать медленно опускалась на колени перед растерянным Кретьеном.

— Что вы, матушка, не надо! — Он едва успел подхватить ее под локти и усадил на табурет. — Давайте уйдем вместе!

— Ты же знаешь, что отец и Марианна ни за что не покинут Минерву, — рыдала женщина, понимая, что настал конец ее семейного счастья. — Я не могу оставить супруга!

— А я не покину вас! — упрямо мотнул головой подросток.

Кретъен принадлежал к семье Добрых Людей¹³. Еще перед войной его отец, принявший *Consolamentum* — обряд крещения Святым Духом и посвящения в Совершенные, — отправился нести людям слова Истинной Веры. За ним последовала и старшая сестра Кретъена Марианна, тоже пройдя обряд посвящения. Однако после того, как северяне захватили первые крепости и начали казнить Добрых Людей, те бросились искать защиты за мощными стенами еще свободных южных городов. Минерва приняла много Совершенных, в том числе и семью Кретъена. Но по пятам беглецов шел ненасытный в своем воинском честолюбии Симон де Монфор, возглавлявший отборных воинов. Осада длилась уже несколько месяцев. С началом лета горожан, запертых за крепостными стенами, мучил не только голод, но и жажда.

Мать отдавала Кретъену и его младшим братьям почти всю воду, которую осажденные распределяли между собой равными порциями. Сама же пила собственную мочу. Но пить хотелось нестерпимо, сухие губы трескались, причиняя боль; маленькие дети плакали без слез. Невыносимо страдая при виде мучений малышей, Кретъен отдавал им часть своей скудной порции животворящей воды.

Прослышавший жестоким, де Монфор тем не менее не видел смысла в людских страданиях, если они не несли ему тактических выгод, а потому предложил вступить с горожанами в переговоры. Но кровожадный папский легат Арно Амори требовал уничтожить «катарское осиное гнездо».

Наконец упорство защитников Минервы было сломлено и северяне вошли в крепость.

Рыскающий по городу в поисках воды и еды Кретъен находился вдали от дома, когда заметил первых вражеских всадников, не спеша едущих по узким улочкам и громко разговаривающих на северном наречии.

— Как у себя дома! — прошипел мальчик и замер.

Из соседнего здания выбежала обезумевшая женщина. Ее малыш выскочил из дома и теперь, оказавшись на другом конце улицы,

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ